

ЕЛИЗАВЕТА
ПОЛОНСКАЯ

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛОНСКАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМА

Советский писатель

Ленинград

1960

Из первых книг

* * *

Мягкой губкой, теплой водой
Мыла мать запыленные ножки,
Загоревшие в солнечный зной,
Топотуньи, веселые крошки.

А теперь ты, как загнанный зверь,
В земляные прячешься норы,
И тебя по канавам теперь
Валит сон беспокойный и скорый.

Иль не стало в нашей стране
Сыновьям нашим должного места,
Что мы отдали их войне
И дали им смерть в невесты?

Но дитя от меня не возьмет
Грохот тысячи тысяч орудий.
Все я чувствую: слабый твой рот
Тянет жизнь из горячей груди.

1916

БАЛЛАДА О БЕГЛЕЦЕ

Я. М. Свердлову

У власти тысячи рук
И два лица.
У власти тысячи верных слуг
И разведчикам — нет конца.
 Дверь тюрьмы,
 Крепкий засов...
 Но тайное слово знаем мы...
Тот, кому надо бежать, — бежит,
Всякий засов для него открыт.
У власти тысячи рук
И два лица.
У власти тысячи верных слуг,
Но больше друзей у беглеца.
 Ветер за ним
 Закрывает дверь,
 Вьюга за ним
 Заметает след,
 Эхо ему
 Говорит, где враг,
Дерзость дает ему легкий шаг.
У власти тысячи рук,
Как божье око, она зорка.

У власти тысячи верных слуг,
Но город — не шахматная доска.
Не одна тысяча улиц в нем,
Не один на каждой улице дом.
В каждом доме не один вход —
Кто выйдет, а кто войдет!

На красного зверя назначен лов,
Охотников много и много псов,
Охотнику способ любой хорош —
Капкан или пуля, облава или нож, —
Но зверь благородный, его не возьмешь,
И рыщут собаки, а люди ждут —
Догонят, поймают, возьмут, не возьмут...
Дурная охота! Плохая игра.
Сегодня все то же, что было

вчера, —

Холодное место, пустая нора...

У власти тысячи рук,
И ей покорна страна,
У власти тысячи верных слуг,
И страхом, и карой владеет она...

А в городе шепот, за вестью весть —
Убежище верное в городе есть...
Шныряет разведчик, патруль стоит,
Но тот, кому надо скрываться,

скрыт,

Затем, что из дома в соседний дом,
Из сердца в сердце мы молча ведем
Веселого дружества тайную сеть,
Ее не нащупать и не подсмотреть!

У власти тысячи рук
И не один пулемет,
У власти тысячи верных слуг,
Но тот, кому надо уйти, — уйдет.

На север,
На запад,
На юг,
На восток
Дорога свободна, и мир широк.

1917, июнь

СКАЗКА

Уходила мама-коза
В лес по очень важному делу,
Целовала козляток в глаза,
Возвращалась, в окошко глядела.

Вот глаза в переулке блестят...
Ходит волк возле самого дома,
Притворяется, манит козлят,
Точит зубы и ждет, как знакомый.

Никому не откроем дверей,
Никакой нас волк не обманет...
Только ты возвращайся скорей!
Скоро ночь в переулке настанет...

Нет огня, и стучит пулемет,
Каждый шаг, словно ниточка, тонок...
Где-то милую маму ждет
Самый маленький белый козленок.

1917

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

«Тревога!» —
Взывает труба.
В морозной ночи завыванием гулким
Несется призыв по глухим переулкам,
По улицам снежным,
По невским гранитам,
По плитам
Прибрежным...
«Тревога!
Тревога!
Враг близок!
Вставайте!
Враги у порога!
Враг впустит огонь в ваши темные дома,
И город ваш вспыхнет, как связка соломы!
К заставам!
К заставам!»

Но город рабочий
В голодной дремоте
Лежит оглушенный
Усталостью ночи,
— Ведь долго еще до рассвета:
Гудок не обманет,

К работе гудок позовет,
И к работе
Он встанет...
Ведь долго еще до рассвета. —
А враг уже близок,
Враги у порога...
«Тревога!»
Как эхо,
Как цепь часовых придорожных,
Гудки
Загудели гуденьем тревожным:
«Не спите!
Вставайте!
Вставайте!
Не спите!
К работе!
К винтовке!
К защите!
Не спите!
Враг близок,
Не спите!
Враги у порога!
Вас много, Вас много. Вас много.
Вас много.
Вставайте! Не спите! Вас много!
Вас ждут!

Вы рано заснули,
Не кончился труд.
Идите! Идите! Идите!»

— Идут

Наверх из подвалов,
На двор, чердаки...
По лестницам черным
Стучат башмаки.

По лестницам узким
Винтовкой стуча,
Оправить ремень
На ходу у плеча.

«К заставам! К заставам!»

И в хмурые лица зарницами бьет
Над Пулковом грозно пылающий свод.

1920

* * *

Не странно ли, что мы забудем всё:
Застывшее ведро с водою ледяной,
И скользкую панель, и взгляд
Украдкою на хлеб чужой и черствый.

Так женщина, целуя круглый лобик
Ребенка, плоть свою, не скажет,
не припомнит,
Как надрывалась в напряженьи страшном,
В мучительных усилиях рожденья.

Но грустно мне, что мы утратим цену
Друзьям смиренным, преданным,
безгласным:
Березовым поленьям, горсти соли,
Кувшину с молоком и небогатым
Плодам земли, убогой и суровой;

И посмеется внучка над старухой,
И головой лукаво покачает,
Заметив, как заботливо и важно
Рука сухая прячет корку хлеба.

1924

Из книги "Тогда"

* * *

Когда любовь приходит в дом
И говорит: «открой!»,
Когда любовь приходит в дом
И говорит: «пойдем!»,

И руку на плечо кладет,
Кто ей ответит «нет»,
Когда она сама дает
Заранее ответ?

1923

ЕЩЕ ЛЮБОВЬ

Сухим теплом впоенное вино,
Гроздь виноградная средь этих
пыльных книг,
Воспоминанье о тебе — оно,
Как поцелуй, пьянит и сушит стих.

Это начало любви...
Слушай, помедли немного...
Черная эта земля...
Смутная эта тревога...
Если поранить ножом
Черную кожу стволов,
Липкий прольется сок,
Дерева сладкая кровь.
Пусть он во мне не такой —
Терпкий, соленный и красный,
Знаю, и мы цветом
Каждой весной не напрасно.
Если закрою глаза,
Словом уже не зови.
Знаю, как знает земля:
Это — начало любви.

Звезды и палуба корабля —
Это большая дорога любви.
Так исчезай за кормой, земля,
Память о верностях береговых.
Трепет машины и трепет губ.
Шаткая палуба. Час шальной.
Память осталась на берегу.
Губы тому, кто сейчас со мной.
Пусть черноморских зеленых вод
Пенный наш след разобьет разбег...
Знаю, любовь придет и уйдет,
Звезды и палубу взяв себе...

На небе звезды. В Тифлисе огни.
Видишь, два неба и города два.
Между небом и городом мы одни,
Балкон наш причален едва-едва...
Ты хочешь — желаньем и волею ночи
Сниму его с якоря на полет?
И кровь моя отвечает: «хочешь!»
И ветер горячий в голову бьет.
Пилот и механик ушли в духан
Пить до зари. Скорей!
Рокочет зурна, и стучит барабан.
Это нам: сигнальная трель.
Свидетели — тополи и кипарис,
Срываемся и плывем!
Город уходит вниз...
Горы встают горбом...
Летим, только кровь стучит
Да кружится голова.
— Как руки твои горячи!
— Вернемся на землю.
— Молчи!

Наш дом в темноте, наши судьбы сошлись,
Нас музыка вяжет нежней и короче.
Над нами звездами пылает Тифлис...
Под нами созвездия южные ночи.

К чему прикосновение? Воздух
Горяч и напоен желаньем...
И музыка касается обоих нас
И вяжет нас крылами легких птиц...
Еще мгновение — упадешь на землю,
Как яблоко, сорвавшись, канет ниц...

1923